Митрополит Волоколамский Иларион: Диалог церкви и общества

Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион ***в эфире программы «Парадигма» на телеканале «Общественное телевидение России»*** *рассказал о трудностях церковной дипломатии, о современных проблемах межхристианского и межправославного диалога, новых вызовах времени, взаимоотношениях и соработничестве Церкви и общества. В чем заключается миссия Церкви в современном мире? Каков сегодня образ Церкви? Как Церкви удается быть открытой для прихожан с абсолютно разными социальными запросами? Как изменилась Русская Православная Церковь за минувшее десятилетие? Как Церковь сегодня помогает государству решать самые острые проблемы?*

Александр Петров: Здравствуйте! Меня зовут Александр Петров. Это программа «Парадигма». Сегодня у нас необычный формат – мы в гостях у митрополита Волоколамского Илариона, председателя Отдела внешних церковных связей. Здравствуйте, Владыка.

Митрополит Волоколамский Иларион: Здравствуйте, Александр.

Александр Петров: Владыка, насколько я знаю, буквально недавно, 31 марта, вы отметили знаменательный юбилей – 10-летие пребывания на значимом и важном посту председателя Отдела внешних церковных связей. Мне кажется, это очень ответственный пост, потому что вам приходится отстаивать интересы Русской Православной Церкви не только в России, но и за рубежом, вам приходится вести довольно непростой диалог с обществом, с государством, с властью.

Владыка, я думаю, что вы наверняка подводили какие-то промежуточные итоги вашей деятельности. Расскажите, а как за десять лет изменилась роль Церкви в нашем обществе?

Митрополит Волоколамский Иларион: Я думаю, что роль Церкви, ее влияние стали более заметными. И это можно проследить по очень многим показателям.

Перед началом Великого поста обычно проводятся социальные опросы, во время которых спрашивают, кто постится, а кто не постится. И мы видим, что число постящихся неуклонно растет. Но меня радуют не столько цифры, относящиеся к числу постящихся, сколько такие данные, как, например, то, что в Прощеное воскресенье чуть ли не 80% населения России просят друг у друга

прощения. А ведь это чисто церковный праздник, чисто церковный обычай, но он так глубоко вошел в плоть и кровь нашего народа, что без этого наша жизнь уже немыслима. И таких примеров можно привести очень и очень много.

То есть у Церкви есть непосредственное влияние на ее паству, которая составляет много миллионов людей, но у нее имеется еще и опосредованное влияние на многие другие сегменты нашего общества. И надо сказать, что Церковь существует не в каком-то вакууме, а в обществе, где вместе с ней сосуществуют другие религиозные конфессии, и выстроена система взаимодействия между этими конфессиями.

Александр Петров: Владыка, а если говорить о той роли, которую играет Церковь в нашем обществе, вернула ли она себе те позиции, которые были, например, в начале XX века, или еще нет?

Митрополит Волоколамский Иларион: Я думаю, что Церковь и не ставит перед собой задачу вернуть те позиции, которые у нее были в начале XX столетия. Потому что тогда, с одной стороны, она имела государственный статус, а с другой стороны, отчасти именно по этой причине Церковь не имела собственного канонического возглавления.

Нам не нужны ни государственный статус, ни какая-то неканоническая структура во главе Церкви. У нас есть Патриарх, Священный Синод, у нас есть митрополиты во главе каждой митрополии, епископы во главе каждой епархии, у нас есть синодальные отделы и Высший церковный совет, который координирует их работу. То есть в полной мере выстроена вся система церковного управления. Также выстроена система взаимодействия между Церковью и государством. И эта система выстроена таким образом, что интересы Церкви не ущемляются.

У нас сейчас есть возможность не только проповедовать с церковного амвона, но и пользоваться средствами массовой информации. У нас есть собственный телевизионный канал, есть передачи на государственных телеканалах. Мы активно работаем в интернете, в социальных сетях. То есть голос Церкви могут услышать все, кто этого хочет. Но мы не пытаемся навязать свою позицию: мы ее озвучиваем, но от каждого человека зависит, принять ее или не принять. Мы исходим из того, что голос Церкви должен прозвучать, а вот как на него откликнутся люди, уже зависит от них самих.

Александр Петров: Владыка, то есть я правильно вас понимаю, что голос Церкви звучит по самым острым социальным проблемам? Речь идет и о проблемах бедности, и о проблемах демографии, и о проблемах пенсионной реформы, и о проблемах здравоохранения, и даже о таких проблемах, как коррупция…

Митрополит Волоколамский Иларион: Да, голос Церкви звучит, в том числе, и по тем вопросам, которые вы обозначили. Существует определенный стереотип относительно Церкви, согласно которому Церковь – это некое бюро ритуальных услуг. То есть некоторые люди думают, что она существует только для того, чтобы венчать, крестить, а если Церковь начинает озвучивать свою позицию по такого рода вопросам, то говорят: «А почему она вообще в это вмешивается? Мы можем без Церкви спокойно устроить свою жизнь. Пусть церковники занимаются своими делами – крестят, венчают и отпевают».

Но мы с этой позицией не согласны, потому что Церковь создавалась не как бюро ритуальных услуг. Хотя у нас есть и богослужения, и церковные таинства, и то, что называется требами, но роль Церкви к этому не сводится. Церковь – это своего рода духовно-нравственный ориентир. У нее есть своя позиция по очень многим вопросам, в том числе по тем вопросам, которые вы упомянули. Мы эту позицию обозначаем. Мы ее никому не навязываем, но удовлетворены тем, что у нас есть возможности эту позицию объявлять во всеуслышание.

Александр Петров: Владыка, вот вы буквально предвосхитили мой вопрос. Мне кажется, в нулевые годы Церковь критиковали за то, что она слишком закрыта, слишком консервативна, что ее голос плохо слышен. Вы человек, который во многом отвечает за образ Церкви. Как изменился этот образ? Как изменился ее имидж, если говорить современным языком? Стала ли она более открытой, более понятной для нашего общества?

Митрополит Волоколамский Иларион: Тогда критиковали Церковь за то, что она «слишком закрыта», а теперь критикуют за то, что она «слишком открыта». Тогда критиковали за то, что мы молчали, а теперь критикуют за то, что мы говорим. Всегда найдутся люди, которые найдут, за что покритиковать Церковь.

Но положение Церкви действительно изменилось в том плане, что мы сейчас более активны, больше присутствуем в средствах массовой информации, в интернете и в социальных сетях. И это связано не с нашим желанием навязать свою точку зрения (как я уже сказал, мы ее никому не навязываем), а, наоборот, связано с тем, что нас постоянно спрашивают.

Вот я веду уже десятый год телевизионную передачу, и мне на сайт передачи приходит очень много вопросов от телезрителей. Это вопросы по самым разным темам – и ритуального, и бытового, и нравственного характера.

Александр Петров: И общественно-политического, наверное.

Митрополит Волоколамский Иларион: И общественно-политического. Или просят объяснить какую-то притчу из Евангелия. Все эти вопросы показывают, что есть интерес, есть востребованность. Думаю, что имеющееся ныне присутствие Церкви в общественной среде и в средствах массовой информации напрямую связано с этой востребованностью.

Александр Петров: С другой стороны, мне кажется, все-таки существует какое-то недопонимание между Церковью и обществом. Может быть, вы могли бы рассказать, в каких вопросах? И что нужно делать, чтобы исключить это недопонимание? Я могу привести пример. Например, идет строительство храмов в некоторых крупных городах – возникают какие-то стихийные протесты против этого. Разве это не недопонимание позиции Церкви?

Митрополит Волоколамский Иларион: Я думаю, что нет никакого недопонимания между Церковью и обществом, а есть определенное нежелание у некоторых сегментов общества смириться с тем положением, которое сегодня занимает Церковь.

Если говорить о строительстве храмов, то мы же строим эти храмы для людей, мы их строим по просьбам людей. Мы никогда не строим храм просто для того, чтобы где-то стояло здание. Зачем бы нам это понадобилось? Мы строим храмы там, где этого просят люди, – например, в спальных районах. Если взять город Москву, то в историческом центре Москвы очень много храмов, а в так называемых спальных районах их очень мало. И либо людям приходится тратить час или полтора на дорогу, чтобы добраться до храма, либо у них появляется возможность иметь храм в шаговой доступности.

И можно привести много других примеров, когда так называемое недопонимание исходит, скорее, просто от недоброжелателей, чем от людей, которые что-то недопоняли.

Александр Петров: То есть это какие-то попытки дискредитировать Церковь?

Митрополит Волоколамский Иларион: Это попытки дискредитировать Церковь. Это попытки раскачать наш общий корабль. А также попытки затвердить те позиции, которые когда-то, может быть, эти группы занимали, а сейчас не занимают. В течение 70 лет у нас в стране был воинствующий атеизм, и до сих пор есть люди, которые стоят на позициях воинствующего атеизма. Их сейчас не большинство, их не так много, но они есть, и время от времени они заявляют о себе.

Например, был создан первый в истории России Диссертационный совет по теологии – совет, решения которого признаются государством. Я возглавляю этот Диссертационный совет. И когда у нас проходила первая защита диссертации, на нее пришло пять отзывов от докторов не теологии, а биологических наук, организовавших своего рода флешмоб, чтобы сорвать эту

защиту… Мы, согласно положению, обязаны выслушивать все отзывы, которые к нам приходят. Суть полученных пяти отзывов сводилась к тому, что вера в Бога не совместима с научным мировоззрением. И мы в течение полутора часов выслушивали целый поток атеистической пропаганды. Это, надо сказать, сплотило членов Диссертационного совета, и диссертант получил единогласную положительную оценку своего труда.

Это пример того, что очень часто подобного рода акции не являются следствием недопонимания – они, скорее, следствие желания спровоцировать конфликт там, где этого конфликта нет и не должно быть.

Александр Петров: Если все-таки вернуться к богословским проблемам, то что сейчас для православного богословия в приоритете? Какие вопросы решаются? Что сейчас самое важное для православной философской богословской мысли? Тем более, я знаю, что и вы занимаетесь богословием довольно регулярно, вы автор многочисленных трудов по богословию.

Митрополит Волоколамский Иларион: Я не могу сказать о том, что какое-то направление более важное, а какое-то – менее важное. Все науки, все дисциплины, все научные направления, которые включены в куррикулум наших учебных заведений, важны – каждое по-своему. Но у нас есть определенные проекты, которым мы сейчас придаем особую значимость.

Например, по инициативе Святейшего Патриарха мы сейчас обновляем весь корпус учебной литературы для бакалавриата духовных школ. Это огромный проект, в нем уже сейчас задействовано более ста авторов. Он был инициирован Патриархом по той причине, что в основном в наших духовных семинариях студенты обучаются по учебникам, написанным либо в XIX веке, либо в начале XX века, либо в русской эмиграции. И эта литература устарела, она методически не подходит под те принципы преподавания, которые сейчас применяются. То есть назрела весьма острая необходимость в создании новых, современных учебных пособий. И это один из тех проектов, который мы осуществляем.

Александр Петров: Это очень важный, конечно же, проект для Церкви, но я все время возвращаю вас к проблемам богословия. И прежде всего, я думаю, многих наших телезрителей интересуют ваши богословские интересы, ваша литературная деятельность. Над чем сейчас вы трудитесь как автор, как литератор, как богослов?

Митрополит Волоколамский Иларион: На этот вопрос мне проще ответить, чем выделить какое-то одно приоритетное направление для всей богословской науки. Я лично как богослов многие годы занимался тем, что называется патристикой. Патристика – это учение святых отцов, то есть церковных писателей, начиная со II века и кончая… Тут даже нельзя обозначить дату, потому что

святоотеческое богословие – это некий продолжающийся процесс. Ну, в основном все-таки это изучение трудов христианских богословов со II века по, условно говоря, XIV век. Это большая область, и я занимался ею в течение долгих лет.

Но в последние годы я открыл для себя новую научную область – это новозаветные исследования, то есть это, собственно, изучение Евангелия, изучение Посланий апостола Павла, других новозаветных книг. Надо сказать, что западная богословская наука здесь достигла в чем-то больших успехов, а в чем-то наломала много дров. И нам сейчас приходится с этим всем разбираться.

Для нас это достаточно новая область, потому что мы в течение 70 лет были, по сути, изолированы от того развития, которое происходило на Западе. А сейчас все эти концепции, иногда совершенно безумные и фантастические, вторгаются к нам в том числе через произведения наших отечественных авторов, которые, некритично воспринимая западные подходы, преподносят их как нечто новое или революционное. И вот люди берут такую книжку – например, издание об Иисусе Христе, где в подзаголовке обещано некое новое сенсационное расследование – и многие из них не подозревают, что все это не более, чем перепевы старых протестантских или даже атеистических подходов к Новому Завету.

Нам сейчас очень важно весь этот накопленный багаж переработать и все то, что полезно, аккумулировать, а то, что вредно, отбросить. И для этого требуется наша собственная творческая и критическая работа.

Это работа, которой я занимался как богослов в течение последних нескольких лет. Она увенчалась тем, что я написал шеститомный труд под общим названием «Иисус Христос: жизнь и учение». А потом шеститомный труд я сжал в один том под названием «Иисус Христос. Биография». Этот том вышел недавно в серии «Жизнь замечательных людей».

Александр Петров: Владыка, не могу не спросить вас о другой грани вашего таланта – музыкальной. Расскажите, над чем вы сейчас работаете? Тем более, что среди наших телезрителей довольно много почитателей вашего музыкального таланта.

Митрополит Волоколамский Иларион: Последнее свое музыкальное произведение я написал в 2012 году. То есть последние семь лет я музыки не писал, за исключением одной маленькой пьесы для церковного хора, которая у меня родилась за один вечер, и я записал ее, положил на бумагу.

У меня в жизни был период, когда я много занимался музыкой. Во-первых, я учился как музыкант, окончил специальную школу имени Гнесиных, потом некоторое время (недолгое) проучился в

Московской консерватории. А потом на двадцать лет я оставил музыку и к ней не прикасался.

Александр Петров: А почему?

Митрополит Волоколамский Иларион: Я вообще думал, что эта страница моей жизни раз и навсегда перевернута. Потом, на сороковом году жизни, я вернулся к музыке и написал несколько музыкальных произведений, в том числе в крупной форме. Они сейчас исполняются, по крайней мере, некоторые из них. Вот «Страсти по Матфею» – сочинение, которое я написал…

Александр Петров: …Видимо, это ваше любимое произведение?

Митрополит Волоколамский Иларион: Оно оказалось любимым, во всяком случае у публики, потому что оно исполнялось за двенадцать лет 120 раз. И для музыкального произведения такого объема это достаточно хороший показатель.

Александр Петров: Причем, если я не ошибаюсь, не только в Москве и в России, но и на европейских и американских площадках.

Митрополит Волоколамский Иларион: Эти 120 раз – те исполнения, которые мне известны. А о многих из них я узнаю из интернета. Из них 75 раз – исполнения в России, остальные состоялись за рубежом. Причем в России, например, в этом сезоне это сочинение исполнялось, помимо Москвы и Санкт-Петербурга, в Нижнем Новгороде, в Твери, в Брянской области, в Таганроге, то есть в тех местах, где наличные музыкальные силы не всегда позволяют это сделать. Например, в Твери, насколько я знаю, это сочинение исполняли музыканты из Костромы.

Но все это происходит стихийно. Я не являюсь ни организатором, ни участником этих концертов. Люди собираются, слушают музыку. Для меня это, прежде всего, одна из форм проповеди. Я считаю, что священнослужитель в своей проповеди должен использовать все формы, которые ему доступны. Вот для меня, помимо письменного слова и устного слова, доступен еще язык музыки. А это язык, при помощи которого можно передать то, что не передается при помощи слов.

Александр Петров: Владыка, вы уже затронули тему проповеди. Насколько я знаю, вы регулярно служите в храме как настоятель, общаетесь со своими прихожанами. Расскажите, с какими проблемами они к вам приходят? Что вас радует в современных верующих, а что смущает?

Митрополит Волоколамский Иларион: Люди приходят в храм с очень многими проблемами. Святые отцы сравнивали храм с больницей. Или, может быть, лучше было бы сравнить его с поликлиникой в нашем современном понимании. Но если в поликлинику люди приходят с

телесными болезнями, то в храм они приходят с недугами духовными – теми, которые называются грехами. Всякий грех – это духовная болезнь. И вот человек приходит к священнослужителю, рассказывает ему о симптомах, а священнослужитель ставит диагноз и назначает лечение.

Это, конечно, сравнение очень упрощенное, тем не менее, оно передает суть того, что происходит в храме. И через участие в таинствах Церкви происходит духовное исцеление человека. Исцеление может длиться годами. Бывают такие болезни, которые вообще не лечатся, но которые удается взять под контроль. То есть то, что происходит в медицине, происходит и в нашей духовной медицине. В храм люди люди приходят с проблемами духовного характера, с проблемами семейными…

Александр Петров: …бытовыми, видимо.

Митрополит Волоколамский Иларион: Бытовыми, да. Конфликты между членами семьи – это одна из самых частых тем, которую приходится священнослужителю обсуждать с прихожанами. Тема одиночества. Тема, связанная с физическим состоянием человека, которое имеет прямое воздействие на его духовное состояние. Иногда приходится как бы двойную терапию производить, то есть говорить: «Вот с этим вы должны обратиться к врачу, а в этом мы вам можем помочь».

Александр Петров: Зачастую многие верующие приходят в храм действительно со своими бытовыми какими-то проблемами, без любви к Богу. Церковь раньше как раз критиковали за это, мол, крестятся-то многие, а истинных православных, истинных верующих не так много. Сегодня это проблема для Церкви? И она как-то решается?

Митрополит Волоколамский Иларион: Проблема не в том, что люди приходят в храм без любви к Богу, – те, которые участвуют постоянно в богослужениях, регулярно исповедуются и причащаются, приходят, потому что они любят Бога, любят Церковь; их все это притягивает, им это помогает.

А проблема заключается в том, что, помимо христиан реальных – то есть людей воцерковленных, знающих, во что верит Церковь, чему она учит, и, более того, старающихся это учение воплотить в жизнь, – есть еще и большое количество номинальных христиан, то есть тех, которые реально в церковной жизни не участвуют. Если вы спросите, кто они по вероисповеданию, то они назовут себя православными. Если спросите, как они относятся к Церкви, то скажут, что с большим уважением. Но дальше этой констатации своей принадлежности к Православной Церкви дело не идет, и фактически они в жизни Церкви не участвуют.

Наверное, сейчас наша главная миссионерская задача заключается в том, чтобы этих номинальных христиан сделать реальными христианами, то есть чтобы научить их той вере, к которой, по их собственным словам, они принадлежат.

Александр Петров: Но ведь вера – это во многом дар Божий. Как этот дар получить?

Митрополит Волоколамский Иларион: Вера – дар Божий. Но вера – это и то, что происходит благодаря совместному творчеству человека и Бога.

При чтении Евангелия мы постоянно встречаем рассказы о том, что к Иисусу приходили люди и просили исцеления. И Он во многих случаях спрашивал: «А ты веруешь в то, что Я могу это сделать?» И когда человек говорил «верую», Христос совершал чудо и говорил: «По вере твоей будет тебе». То есть: «Не по Моей силе, а по твоей вере».

Чтобы произошло чудо, нужна вера человека. А для того, чтобы эта вера появилась, требуется встречное движение человека и Бога. И я никогда не мог себе до конца ответить на вопрос: почему есть люди, которых Церковь притягивает, а есть те, которых она отталкивает? Причем иногда это проявляется в самом раннем возрасте. Есть дети, которые тянутся к храму, а есть те, которым в храме все не нравится. Конечно, все это корректируется воспитанием, но только до какой-то степени.

То есть во взаимоотношениях между человеком и Богом имеются элементы тайны, которые мы разгадать не в состоянии. Почему Бог одним людям Себя открывает вот так, другим – иначе, а третьим вроде бы совсем не открывает? Но мы, тем не менее, помним слова Христа: «Ищите – и найдете. Стучите – и отворят». Эти слова относятся, в том числе, и к вере. Если у человека слабая вера, то ему ничто не препятствует стучаться в двери милосердия Божия, и Бог обязательно отворит. Чаще-то бывает как раз наоборот: Бог стучится в дверь человеческого сердца, а человек Его не впускает.

Александр Петров: А почему?

Митрополит Волоколамский Иларион: Почему? Потому что для некоторых людей вообще жизнь с Богом кажется некомфортной. Им кажется, что если Бог будет вмешиваться в их жизнь, то это нарушит их собственную свободу – в частности, свободу совершать грехи. Вот им известно, что, с точки зрения Церкви, какое-то деяние является греховным, тем не менее, они хотят продолжать совершать его. Значит, им Церковь не нужна. Значит, Церковь им мешает. По этой причине они и сами не хотят с Церковью ничего общего иметь, и не хотят к Богу приближаться.

Александр Петров: Владыка, мы живем в динамично меняющемся мире, поэтому постоянно появляются новые гаджеты, появляются новые технологии – и это, по большому счету, вызов для Церкви. Как она реагирует на эти новые изменения, на быстро меняющийся современный мир?

Митрополит Волоколамский Иларион: Ну, мы стараемся учиться пользоваться тем, что нам, как и всем остальным, предоставляет современный мир. Вспоминаю, как в 1991 году, когда я оканчивал Московскую духовную академию, мне нужно было подать диссертацию. В правилах указывалось, что диссертация должна быть распечатана на машинке и подана в трех экземплярах. Я попросил машинистку мне напечатать диссертацию. Она спросила: «Может быть, я лучше напечатаю на компьютере?» Я не знал, что такое компьютер, и ответил: «Знаете, сделайте так, как правила требуют, а там сказано, чтобы это было все на машинке».

Потом я освоил компьютер. Тогда компьютеры были большие, с зеленым шрифтом на экране. Постепенно они совершенствовались, их размеры уменьшались. По мере того, как новая техника появляется, мы ее осваиваем. И это касается не только техники, но и способов общения.

Вот мы говорим о том, что есть виртуальный мир, что есть виртуальная реальность. Но ведь в этой виртуальной реальности находятся те же самые реальные люди, просто они избирают в чем-то более удобный для них способ общения. Они не встречаются лично, а общаются через социальные сети. Если Церковь будет устраняться от присутствия в этом виртуальном мире, то будет терять реальных людей.

Александр Петров: То есть Церковь меняется вслед за динамично изменяющимся миром? Или все-таки есть какие-то пределы для изменений Церкви?

Митрополит Волоколамский Иларион: В Церкви есть то, что неизменно, и есть то, что может меняться. Неизменно вероучение, неизменно нравственное учение. В значительной степени неизменно богослужение, хотя оно, конечно, определенные трансформации претерпевает.

А вот в том, что касается способов общения Церкви с внешним миром, конечно, возможны самые разные варианты. И Церковь в IV веке говорила с людьми на одном языке, в XIX – на другом, а в XXI столетии мы должны говорить еще на ином языке. И это касается не только языка, но и самой понятийной системы, которой люди привыкли оперировать.

Александр Петров: Вы заговорили о языке. Должен ли меняться язык богослужения? Тем более, что эти вопросы постоянно возникают в дискуссии между Церковью и обществом.

Митрополит Волоколамский Иларион: Да, эти вопросы постоянно появляются, но они не

возникают внутри Церкви. Точнее, в начале 90-х годов у нас возникла такая дискуссия, и было несколько неудачных опытов введения русского языка в богослужение. Эти опыты были церковным народом в подавляющем его большинстве отторгнуты. И сейчас фактически эта тема у нас не обсуждается, она даже в некотором роде внутри Церкви табуирована. Существует проблема малопонятности православного богослужения, но ее невозможно решить просто путем перевода богослужения на русский язык.

Александр Петров: На современный русский язык.

Митрополит Волоколамский Иларион: На современный русский язык.

Вот я приведу один пример. В первые четыре дня Великого поста читается покаянный канон Андрея Критского. Это очень сложное произведение византийской поэзии, которое все соткано из аллюзий на различные эпизоды из Ветхого Завета. Это такие эпизоды и такие имена, что иной раз даже доктор богословия не вспомнит, о чем идет речь. А произведение это написано таким образом, что там не рассказываются истории этих персонажей – они только упоминаются, и из этого делается сразу какой-то нравственный вывод.

Для того, чтобы понять это произведение, недостаточно просто услышать его на русском языке, а нужно еще знать всю Библию так, как ее знали монахи во времена Андрея Критского. А сейчас таких людей, я думаю, раз, два и обчелся. То есть проблема стоит не столько в языке богослужения, сколько в том, чтобы путем научения, путем разъяснения раскрывать перед людьми смысл богослужения.

Я провел такой опыт у себя на приходе – совершил Литургию с объяснениями. То есть по мере того, как служил Литургию, я объяснял, что произошло и что будет происходить. Несколько раз я прерывал богослужение объяснениями. В общей сложности вместо обычных двух часов это заняло три часа. Но многие люди были благодарны, в том числе из тех, которые годами ходили на Литургию, а каких-то вещей не понимали.

Думаю, что сейчас важна, прежде всего, такая разъяснительная работа. Проблема богослужебного языка связана вообще с проблемой той субкультуры, которую мы встречаем, приходя в храм на богослужение. Я бы это сравнил с ситуацией, которую можно наблюдать с отношением людей к классической музыке. Тридцать лет назад гораздо больше было тех, кто понимал и слушал классическую музыку, а сейчас таких людей очень мало. А среди молодежи их еще меньше, чем среди людей зрелого возраста. В чем же заключается решение проблемы – в том, чтобы всю классическую музыку переделать на современный лад, или все-таки в том, чтобы прививать людям, в том числе детям и молодежи, вкус к классической музыке?

А если вы зайдете в храм на богослужение, то вы там услышите только классическую музыку, вы не услышите ни рока, ни джаза. У протестантов можете услышать, а у нас – нет. И не планируется у нас введение ни рок-групп, ни ударных установок. У нас будет петь хор в стиле XIX века. Как он пел тогда, так и сейчас поет хор. Значит, к этой субкультуре нужно привыкнуть. И к богослужебному языку тоже нужно привыкнуть, приучиться. А то, что непонятно, нужно узнать. Один раз для себя поняв то или иное церковнославянское выражение, человек потом на всю жизнь уже его понимает.

Александр Петров: Владыка, я никак не могу обойти в нашем разговоре тему конфликта с Константинопольским Патриархатом. Скажите, чего здесь больше – богословских каких-то неувязок, непонимания или все-таки большой политики?

Митрополит Волоколамский Иларион: Я думаю, что богословия здесь нет. Также полагаю, что нет и большой политики. Здесь есть мелкие политические амбиции, которые соединились с некоторыми трендами в глобальной политике и дали в итоге ту гремучую смесь, которую сегодня мы наблюдаем в истории с так называемым «томосом об автокефалии». Константинопольский Патриарх Варфоломей, который был очень недоволен тем, что Русская Церковь не приняла участие в организованном им мероприятии, и которому внушили, что Русская Церковь подговорила другие Церкви не ехать на это мероприятие…

Александр Петров: Речь о Всеправославном соборе?

Митрополит Волоколамский Иларион: Речь о соборе, который планировался как Всеправославный, но не стал таковым – Критский собор 2016 года. Так вот, Патриарху Варфоломею внушили, что это мы сорвали этот собор, что лично Патриарх Кирилл якобы подговорил глав других Церквей не ехать. И он решил отомстить Патриарху Кириллу и отнять у Русской Церкви ее неотъемлемую часть – Украинскую Православную Церковь.

У него были эксперты, которые ему внушали, что если будет предоставлена автокефалия церкви на Украине, то все туда вольются – не только раскольники, но и архиереи канонической Украинской Православной Церкви. Это ему пообещал Порошенко, это ему пообещали раскольники, это ему пообещали те горе-эксперты, которых он посылал на Украину.

Мы его предупреждали, что так не будет. Патриарх Кирилл лично с ним встречался и обрисовал ему реальную картину. Но у него уже были другие представления и другие планы, и он эти планы осуществил. Итогом этих разбойнических действий стало то, что сейчас Константинопольский Патриархат находится в изоляции – ни одна Поместная Церковь не признала эти беззаконные

деяния. И легализованная Константинополем раскольничья структура признается только Константинополем. Поместные Церкви не признают то, что совершилось.

Как будет решаться дальше этот вопрос? Думаю, покажет время. Но мы, во всяком случае в своих решениях, в том числе в решении разорвать общение с Константинополем, исходили из тех канонических принципов, на которых веками строилась жизнь Православной Церкви.

Александр Петров: А есть ли все-таки выход, есть ли перспективы для межправославного диалога? И какие они сейчас?

Митрополит Волоколамский Иларион: Думаю, что перспективы какие-то есть. И выход, наверное, тоже есть. Но выход точно не лежит в плоскости признания того беззаконного деяния, которое было совершено.

Александр Петров: Если говорить об Украине, какие шаги сегодня предпринимаются для защиты канонического православия в этой стране?

Митрополит Волоколамский Иларион: Предпринимаются разнообразные шаги. Внутри самой Украины, когда происходят беззаконные захваты храмов, общины подают в суды. И очень часто общины канонической Украинской Православной Церкви выигрывают эти суды. Правда, это не значит, что храмы им возвращаются, потому что продолжается то беззаконие, которое привело к нынешней ситуации.

Но очень хотелось бы надеяться на то, что ситуация изменится при новом президенте. Все-таки «томос об автокефалии» был проектом Порошенко. Этот проект нужен был ему для того, чтобы повысить свой чрезвычайно низкий рейтинг. Но, как мы увидели, если рейтинг и повысился, то очень незначительно, он не изменил для Порошенко ситуацию в корне.

А теперь ситуация новая. И я очень хотел бы надеяться на то, что будут соблюдаться элементарные права людей, которые гарантированы Конституцией Украины, то есть право ходить в ту Церковь, в которую человек хочет, и право каждой религиозной конфессии называться так, как она себя называет, а не так, как ее хотят переименовать государственные власти.

Александр Петров: Да, сегодня можно говорить о массовом нарушении прав верующих на Украине. Насколько я знаю, Владимир Владимирович как раз и говорил о том, что необходимо защищать права верующих даже на Украине. Но вот вопрос: а как это сделать? Может быть, это возможно сделать на каких-то европейских судебных площадках? Делается ли это уже?

Митрополит Волоколамский Иларион: Мы апеллируем к европейским инстанциям. Реакция бывает разная – от просто молчания в ответ на наши запросы до реакции вполне конструктивной, как например, реакция верховного комиссара ООН по правам человека, который изучил ситуацию и констатировал, что имеют место массовые нарушения прав человека на Украине. Я очень хотел бы, чтобы внимание мировой общественности было привлечено к этой проблеме и чтобы как можно скорее гонения на Церковь прекратились.

Александр Петров: А как можно привлечь внимание мировой общественности? То есть кто это должен делать? СМИ, может быть?

Митрополит Волоколамский Иларион: Прежде всего, это должна делать и делает сама Украинская Православная Церковь. Потому что на Украине достаточно болезненно воспринимают, когда какие-то сигналы посылаются из Москвы, это сразу все преломляется в политическую плоскость: «Ну вот, опять Москва начинает вмешиваться в дела Украины». Украинская Православная Церковь сама имеет систему правовой защиты, которой она активно пользуется. У нее есть свой представитель при европейских и международных организациях.

Конечно, мы оказываем поддержку этому представителю. Конечно, мы со своей стороны говорим о нарушении прав человека в Украине. Святейший Патриарх Кирилл практически на каждой своей встрече с политическими лидерами других стран эту проблему затрагивает. Но я думаю, что прежде всего решение нужно искать в самой Украине. И я очень надеюсь, что новый украинский президент решение этой проблемы найдет.

Александр Петров: Владыка, в начале нашего интервью вы уже говорили о диалоге, который вам приходится вести, в том числе и с властью России. Скажите, пожалуйста, как строится этот диалог сегодня, на каких принципах?

Митрополит Волоколамский Иларион: Диалог между Церковью и государством в России строится на двух принципах.

Первый принцип – это взаимное невмешательство Церкви и государства во внутренние дела друг друга. На практике это означает, что президент или премьер-министр не может диктовать Церкви, кто должен быть Патриархом или кого назначить епископом, что государство не вмешивается во внутренний устав Церкви. А во всем, что касается гражданского законодательства, мы, естественно, соблюдаем его так же, как и другие граждане. Этот же принцип действует и в обратную сторону, то есть Церковь не вмешивается напрямую в политику. Ну, например, мы не призываем голосовать за того или иного кандидата на выборах. Мы не говорим, что поддерживаем вот ту политическую партию и не поддерживаем другую. Когда происходит Всемирный русский

народный собор под председательством Патриарха, там присутствуют и выступают главы всех политических партий.

А другой принцип – это сотрудничество между Церковью и государством в тех областях, в которых такое сотрудничество взаимоприемлемо и востребовано. Таких областей достаточно много, и их становится все больше.

Александр Петров: А в каких областях, на ваш взгляд, необходимо более серьезно развивать это сотрудничество?

Митрополит Волоколамский Иларион: Область, в которой у нас сотрудничество буксует и которую я готов был бы обозначить, – это преподавание религиозных дисциплин в школе. Мы уже третье десятилетие ведем диалог с государством о том, что, с нашей точки зрения, школьники должны знать основы своей религиозной традиции и религиозных традиций своих соседей. При том мы не собираемся эти уроки превращать в Закон Божий по дореволюционному образцу или в проповедь для детей – светский характер школы должен быть соблюден.

Вот я шесть лет прослужил в Австрии. Там в каждой государственной школе преподается религия – один час в неделю на протяжении всех десяти или одиннадцати лет обучения. Причем католические дети получают эти уроки от католического священника, православные – от православного священника. Достаточно наличия двух детей православных в школе, чтобы к ним приходил православный священник, рассказывал об основах православной веры и получал за это деньги от государства…

Александр Петров: …А вам приходилось так заниматься?

Митрополит Волоколамский Иларион: Мне в Австрии не довелось, но священники моего храма именно этим зарабатывали на жизнь. И вот мне было всегда не понятно, почему в католической Австрии, где Церковь отделена от государства, православный священник может прийти в школу и преподавать православным детям, а в православной России, где Церковь тоже отделена от государства, православный священник не может преподавать детям в школе.

Александр Петров: Это действительно странно.

Митрополит Волоколамский Иларион: У нас достигнут определенный компромисс: есть некий культурологический предмет, который преподается в течение одного года, и преподают его не представители Церкви, а люди иногда очень далекие от этой тематики. Это лучше, чем ничего, но, с нашей точки зрения, очень далеко от идеала и от того, что мы хотели бы видеть.

Александр Петров: Есть еще одна важная проблема, о которой сегодня говорят, в принципе, на всех трибунах, – это проблема демографическая. Как Церковь могла бы помочь государству в решении этой проблемы?

Митрополит Волоколамский Иларион: Я думаю, что Церковь может, прежде всего, помочь в восстановлении в общественном сознании образа здоровой и счастливой многодетной семьи. Такого образа в общественном сознании сейчас не существует. Если вы посмотрите на то, что показывается по телевизору, на сериалы, которые смотрят и молодые люди, и люди среднего и пожилого возраста, то увидите, что теме семьи там уделяется очень мало внимания. Вы практически не сможете назвать мне ни одного сериала, где в качестве положительных героев действовали бы люди, у которых много детей. Тема многодетности, как правило, затрагивается только в связи с какими-то социальными проблемами, низкими доходами у таких семей и так далее.

Александр Петров: Но это действительно серьезная проблема, потому что для многих многодетность означает нищету, по большому счету.

Митрополит Волоколамский Иларион: Это действительно серьезная проблема, но ее призвано решать, прежде всего, государство. При этом Церковь может содействовать в решении проблемы. Мы помогаем, например, многодетным семьям на наших приходах, оказываем им материальную поддержку.

А вот проблема отсутствия положительного образа многодетной семьи требует совместного решения. И к этому должны подключиться,, в том числе средства массовой информации.

Александр Петров: Мы поговорили о многих проблемах, затронули многие вопросы диалога Церкви и общества, но не поговорили, мне кажется, о самой важной теме – это тема Пасхи. Владыка, расскажите, а в чем суть этого великого праздника для современного человека?

Митрополит Волоколамский Иларион: Суть этого праздника очень хорошо обозначил апостол Павел в середине I века, он написал в своем Послании к коринфским христианам: «Если Христос не воскрес, то тщетна ваша вера и тщетна наша проповедь».

Этими словами сказано очень многое о сути христианской веры. Если Христос не воскрес, то христианство как религия практически перестает существовать, потому что христианство – это не просто нравственная, вероучительная система – это религия, которая возникла из факта воскресения Христова. Были такие мыслители, как, например, Лев Толстой, которые считали, что в

христианстве самое важное – это нравственное учение. Но нравственное учение есть и в других религиях, а учения о том, что Бог пришел на землю, что Он стал человеком, что Он умер за людей и что Он воскрес, нет ни в одной другой религии.

И для нас праздник Пасхи – всегда переживание воскресения Христова, и не просто как некоего исторического события двухтысячелетней давности, а как того факта, который оказывает прямое влияние на нашу собственную жизнь. Христос воскрес для того, чтобы нам открыть путь к вечной жизни. Он Своей смертью победил смерть.

И мы через участие в праздновании Пасхи (а в более широком смысле – через участие в жизни Церкви) приобщаемся к этому опыту преодоления смерти, к этому опыту вечной жизни, который Христос называл словосочетанием «Царство Небесное». Вся Его проповедь была об этом. А что такое Царство Небесное? Он никогда это не объяснял. Для того, чтобы понять, что такое Царство Небесное, надо прийти в Церковь, надо в ней жить, надо пережить все то, что Церковь дает, в том числе пережить в пасхальные дни. И тогда мы поймем, что Царство Небесное – это не какая-то отдаленная реальность, а то, что нас ждет после смерти, но с чем мы можем соприкасаться уже здесь, в нашей земной жизни.

Александр Петров: Владыка, я благодарю вас за это интервью. Спасибо вам большое!

Источник: https://mospat.ru/ru/news/46405/